

● СТРАНИЦЫ БЫЛОГО

«МОЖНО ТОЛЬКО УДИВЛЯТЬСЯ...»

Читатели, наверное, помнят опубликованную в мае нынешнего года на страницах «Советского Зауралья» статью «Опера в Кургане в 1918 году». В ней рассказывалось о постановке в 1918 году на сцене Курганского Народного дома двух действий оперы самодетельного композитора Н. В. Липчинского «Дети Лесного Просвета».

На публикацию откликнулись сестра композитора, проживающая в Челябинске, и сын из Свердловска.

И вот передо мной большешрифтовые листы плотной старинной бумаги в линейку, исписанные каллиграфическим почерком. Это автобиографические записки Николая Васильевича Липчинского, вернее часть их. Судя по содержанию, должно быть продолжение, но, как сообщил сын Н. В. Липчинского Дмитрий Николаевич, окончания их в домашнем архиве не обнаружено.

Записки были написаны, вероятно, незадолго до смерти Николая Васильевича (умер в 1922 году). Это не в полном смысле автобиография. Содержание их целенаправленно и касается только литературных и музыкальных занятий автора. Н. В. Липчинский рассказывает о своих увлечениях с легкой иронией, но даже сквозь ироническую тональность повествования порой прорывается горчинка неудовлетворенности собой, скрытая боль непонимания его окружающими, одиночества в творческих исканиях, и с благодарностью вспоминает даже незначительное сочувствие и поддержку его в творческих муках.

Отец Николая Васильевича был певчим — тенором церковного хора. Наверное, поэтому будущий композитор еще с детства приобщился к музыке и хорошему пению, которые производили на него «необычайно сильное впечатление». Он и сам с семи лет пел в хоре Богородице - Рождественского собора, а затем Троицкой церкви в Кургане «вторым дискантом, имея слабый невыразительный голос, но большую способность быстро и верно читать ноты».

После пятнадцати лет, когда начался «ломаться голос», он оставил хор, но музыкальные занятия не бросил. Уже учась во втором классе Курганского уездного училища, он сочиняет музыку на стихи поэтов Батюшкова, Фюфанова и других.

Музыкальное образование Николая Васильевича ограничилось уроками игры на скрипке у местного скрипача Владимира Жильно, которые он посещал в течение месяца. Отец не имел возможности платить за учебу три рубля в месяц.

«До сих пор глубоко сожалею, — пишет в своих «Записках» Николай Васильевич, — что мне не удалось обучиться систематической игре на скри-

пке, и вообще не позаботился направить меня по музыкальной части. Слова отца были кратки: «Певчие и музыканты — это нищие. Боже упаси меня, чтобы Николай сделался нищим. Я сам певчий. Другому, тем более сыну, не пожелаю зла».

Когда Николай Васильевич работал лесным кондуктором, он руководил хором воспитанников лесной школы. Из-за отсутствия репертуара ему самому приходилось сочинять музыку на стихи современных поэтов и расписывать ноты по голосам, и тогда он по-настоящему заразился музыкой. С тех пор «я потерял покой и стал положительно несчастным человеком. Пожалуй, и посмешищем для всех знакомых и домашней прислуги, от которой и моей жене приходилось выслушивать различные намеки, далеко не лестные для меня, вроде о моем умопомешательстве и т. п. Но, невзирая на такие щелчки, я продолжал работать и работать...».

В эти годы Николай Васильевич сочинил струнный квартет для двух скрипок, альты и виолончели по мотивам «Боярина Орши». Для того, чтобы изобразить в квартете колокольный звон, он в трескучий мороз несколько раз с камертоном в руках лазил на колокольню Богородице - Рождественского собора, чтобы записать звон колоколов.

Вот как он описывает свое решение написать оперу.

«Какова замашка! Мне, полубезграмотному музыканту, не умеющему ни на чем как следует играть, кроме бречанника на гитаре и пиликанья на скрипке, и вдруг сочинить оперу! Смех и горе! А впрочем, попытка — не пытка. Нет, это больше чем пытка и для себя лично, и для близких моих. Такую попытку можно назвать сумасбродством».

И он писал, писал день и ночь — все свое свободное время. Занимался сбором народных песен, что вызывало насмешки окружающих. Удивлялся, почему они, народные песни, звучат в его записках так неинтересно. Спотыкаясь, набивая шишки, глубоко переживая неудачи, шел он через годы к пониманию, почему народные песни в сочинениях Глинки, Даргомыжского, Бородина, Чайковского звучат так широко и мощно и оказывают на слушателей сильное воздействие.

Музыкальные занятия превратила империалистическая война, когда Николая Васильевича взяли в солдаты. В январе 1918 года он вернулся в Курган.

«Приехавший с фронта брат Корнид, с которым я не виделся несколько лет, уговорил меня поставить на сцене Народного дома что-либо из моих произведений. Я решился поставить «Крестянский вечеринку» из второго акта оперы.

Репетиции и спектакли чрезвычайно меня нервировали. К тому же правление Народного дома предложило мне ставить постановку на свой страх и риск.

Время шло, приближался день спектакля. Были уже рас-

клеены афиши, почти все раскуплены билеты, в газете появилась заметка о предстоящей постановке, а у меня еще не было музыкантов. Положение складывалось более чем безвыходное. Брат мой между тем успешно репетировал с оркестром гитаристов. Затем появился приглашенный студент-фисгармонист. Когда на репетиции дело дошло до песни «Раз вечернею порой», она понравилась всем. Заведующий Народным домом Борис Иванович сказал: «Слава богу, дело пошло лучше!». Это поддержало меня, так как он хороший музыкант и разбирается в музыке.

При содействии Владимира Казимировича Жильно, у которого я когда-то брал уроки музыки, был найден оркестр.

И вот день настал, вернее вечер. И я, измученный, издерганный репетициями и организационными неурядицами, в солдатской гимнастерке направился к своему дирижерскому месту, напутствуемый и благославляемый женой и детьми, которым за эти дни досталось вместе со мной много тяжелых переживаний.

Ввиду того, что полной репетиции с оркестром не было, произошло следующее.

Зал был полон, даже чересчур. Погасло электричество. Я взмахнул смычком вместо дирижерской палочки. Прелюдия была сыграна, я подал знак поднять занавес. Оркестр начал вступление. К моему удивлению хор начал вместе с оркестром, в результате — какофония: хор пел в мажоре, оркестр играл в миноре. Момент! Правда, в публичке почти никто ничего не заметил. Взял я заставил замолчать музыкантов. Те моментально поняли и сразу подыграли хору. Таким образом провал был ликвидирован. Но чего это мне стоило!

«Крестянский вечеринка» произвела на слушателей разное впечатление. Вот некоторые критические замечания: «У него (автора) большой запас народных мотивов». «Очень понравилось «Раз вечернею порой». «Музыканты очень плохи, а вот «По улочке Демьянской» можно отнести к лучшим нашим малороссийским песням». «У вас церковная музыка, все терции... Нет вовсе оригинальных пассажей». Мой конкурент по Кургану, композитор Николай Михайлович Алчибаев, беседовал со мной: «Музыка очень хороша. Весь недостаток в музыкантах. Роль Луши исполнена вяло. Гимн «Слейтесь в единую семью, народы!» написан в широком сочном тоне — недаром публика бисировала...». «Рецензия в газете Ф-ского выдержана вся в хвалебном тоне, и потому не обрадовала меня...».

Эту рецензию мы опубликовали в сокращении в прошлой статье «Опера в Кургане в 1918 году».

Познакомившись с партитурой оперы, преподаватель курганской детской музыкальной школы № 1 Игорь Алексеевич Парфенов, чьи произведения нередко звучат на музыкальных вечерах, сказал:

— Можно только удивляться, что в такой провинциальной глуши, каким был Курган в начале нынешнего столетия, в столь трудное время было создано такое произведение. И это человеком, не имевшим специального образования, никогда не видевшим на сцене оперы, не получавшим ни от кого профессиональных советов. Поистине, такое мог совершить только человек большого дарования.

Ю. АИЗОВ.